

Конец IX века, Древняя Русь. Злая колдунья Незвана задумала погубить прекрасную Огнедеву, жену киевского князя Аскольда, — темная зависть не дает Незване покоя... Злые чары навела она на Аскольда, и возненавидел князь молодую жену, и отдал ее своему сопернику, князю древянскому. Но боги не оставили Огнедеву — отважный князь Вольга повсюду ищет ее. Жизнь Дивомилы в опасности, и он должен успеть освободить прекрасную пленницу...

И, не теряя времени, Незвана пустилась в путь. Три волка проводили ее до реки и потом долго глядели вслед долбленке, на которой уплывала женщина с волчьей шкурой на плечах, так похожая на них и обликом, и выражением глаз.

— Ты погибнешь! — угрожающе бормотала Незвана, ловко проводя долбленку между плавучими корягами, но внутренним взором видя перед собой далекую цель. — Скоро ты будешь в моей власти, Огнедева! И я уничтожу тебя!

www.ksdbook.ru

ISBN 978-5-9910-3227-8

9 785991 032278

www.bookclub.ua

ISBN 978-966-14-9110-5

9 789661 491105

Чары Колдуньи

Елизавета Дворецкая

Чары Колдуньи

Елизавета Дворецкая

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Елизавета Дворецкая

Чары Колдуньи

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
БЕЛГОРОД СЕМЕЙНОГО
2015 ДОСУГА

УДК 821.161.1
ББК 84.4РОС
Д24

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайн и иллюстрация на обложке *Наталии Коноплич*

Художник *Александр Семякин*

ISBN 978-966-14-9110-5 (Украина)
ISBN 978-5-9910-3227-8 (Россия)

- © Е. Дворецкая, 2014
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2015
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2015
- © ООО «Книжный клуб «Клуб семейного досуга»», г. Белгород, 2015

Предисловие

Перед вами, читатель, очередная книга цикла «Огнедева». Заканчивается IX век, и хотя Северная Русь и Южная еще не стали единым государством — до этого не так уж близко, — между ними установились довольно прочные связи. Но то, что хорошо для всех, порой слишком дорого обходится отдельным людям. Четыре года молодой плесковский князь Вольга пытался забыть Дивляну, которую отняли у него, чтобы выдать замуж за киевского князя Аскольда, и от которой остался на память лишь золотой перстенок. И когда варяжский вождь Одд по прозвищу Хельги предложил ему совместный поход на Киев, Вольга согласился, думая только о своей Огнедеве. Но ведь прошло несколько лет. Отнятая невеста не ждала его, лежа спящей в хрустальном гробу, она жила, создавала свою семью, у нее появлялись дети... И рада ли она будет вновь увидеть прежнего жениха? Ржавеет ли старая любовь?

Я не случайно вспомнила сказку о мертвой царевне. В нашем сознании древние эпохи зачастую настолько перемешаны со сказками и былинами, что королевич Елисей, князь Святослав и Илья Муромец кажутся жителями одного и того же мира. Нередко в исторических романах соединяются реализм и фантастика, а читатель в затруднении, как их воспринимать. Однажды мне даже задали вопрос: «А на сколько процентов должны быть вовлечены в историю Руси лешие и кикиморы, чтобы книга перешла в разряд фэнтези? Или переход происходит сразу, как только автор написал: *«Во время поездки по лесу перед князем проскочил зверек, похожий на зайца, но опытный взгляд охотника сразу определил в нем лешего. Князь понял: недобрый знак — и не поехал с дружиной на битву, которая состоялась на Куликовом поле»?*

Не думаю, что есть точные критерии того, сколько процентов фантастики делают книгу фантастической. Я для себя определяю так:

1) Если суть книги составляют исторические события и исторические процессы, несколько подкрашенные фантастикой для красоты, то это исторический роман.

2) Если сюжет скорее мифологический (фантастический), но действие происходит в нашем мире в давно минувшие века, то это — историческая фантастика.

3) А если и мир вымышленный, то просто фэнтези.

Роман «Огнедева. Чары колдуньи», как и весь цикл, относится к первому разряду. Главное в нем — ход исторического процесса, первые шаги в образовании Древнерусского государства, показанные через судьбы людей. Однако же вы обратите внимание: фантастического элемента в нем столько, что цикл мог бы быть отнесен к фантастике. Главным образом фантастика представлена тем явлением, которое обычно называют шаманизмом. Я понимаю, что «шаманизм Древней Руси» для многих звучит парадоксально. А между тем — почему нет? Если мы сравним основные положения шаманизма с содержанием волшебных русских сказок (того же Афанасьева), то найдем огромное количество общего. Основные признаки шаманизма, известные многим народам, следующие:

— вера в духов, которые могут вступать в контакт с людьми, помогать или вредить им;

— представление о многоуровневом строении Вселенной, включающем так называемую третью реальность — единый мир богов и духов, куда может попасть шаман, достигший измененного состояния сознания.

Причем для попадания туда вовсе не обязательно бить в бубен, падать без чувств или применять какие-либо наркотические средства — детали, которыми оформлено духовное путешествие, зависят от индивидуальных особенностей шамана и традиций его культуры.

Прямых указаний на экстатические практики у славян не имеется. В «Слове о полку Игореве», правда, есть намеки на то, что вещий Боян совершал путешествие по «мысленну древу», принимая облик волка, белки и орла, но доказать, что имелось в виду именно шаманское путешествие, здесь нелегко. В то же время в русском фольклоре очень широко известен сюжет о неких духах или чертях (кстати, «черт» — языческое понятие, поэтому книжники раннего Средневековья этого слова избегали), которые находились в услужении у колдуна. Если же мы возьмем волшебные сказки, то найдем там духовное путешествие в иные миры почти в чистом виде: герой при помощи духа-помощника (серого волка или коня) переносится в волшебные царства, в небесные или подземные миры, выполняет там свои задачи и возвращается домой. В волшебном царстве (которое нередко располагается глубоко под землей) он встречается неких существ, борется с ними, одолевает и заставляет служить себе. «Не стреляй в меня, Иван-царевич, я тебе пригожусь». Перед нами — описание шаманского путешествия в иную реальность и взаимодействия с населяющими ее духами. Возможно, первые поколения рассказчиков знали о том, что это описание духовного путешествия, предпринимаемого в каких-то ритуальных или магических целях, но по мере разложения традиции сюжет стал восприниматься в физическом, то есть небывалом, сказочном смысле.

Или такой, например, факт. У сибирских народов было понятие «**тын бура**», которым обозначалось ездовое животное шамана — конь, из чьей шкуры сделан бубен, переносимый шамана в иной мир (и еще несколько аспектов того же плана). Сразу вспоминается волшебный конь русских сказок — Сивка-**Бурка** Вещая Каурка. Сивый — знак принадлежности к иному миру, вещий — понятно. Вещего Сивку дарит герою сказки его умерший отец, три ночи подряд выходящий из могилы. Сам конь имеет явно волшебный облик:

«из очей искры сыплются, из ноздрей дым столбом». Прежде чем ехать на нем добывать руку царевны, герой убивает простую «кобыленку», на которой отправился из дома, снимает с нее шкуру и вешает на поскотину (ограду выгона). И так все три раза, старшие братья даже ругаются, что он всю скотину дома повывел. Зачем убивать бедных «кобыленок», почему не отпустить пастись, коли не нужны? Сказка не знает ответа, но она твердо запомнила схему: прежде чем ехать на волшебном коне, надо убить обычного и снять с него шкуру. Иначе ничего не выйдет. Сказка просто «потеряла» промежуточный этап — натягивание снятой шкуры на бубен, при посредстве которого и вызывается конь-дух, чудесный помощник. Но общая схема сохранилась. Едва ли возможны такие детальные совпадения — и по сути, и по названию (хотя общих слов в русском и алтайских языках быть не должно, они не родственные). Скорее всего, и древнерусские волхвы имели богатые навыки общения с духами и хождения в иные миры, действуя примерно по той же схеме, что и сибирские шаманы. А значит, и это тоже — часть духовной культуры наших далеких предков.

Вот только в волшебстве ли дело? Ведь свой жизненный выбор мы делаем в реальном мире. Здесь нам приходится выбирать между влечением сердца и требованием долга, между обидой и любовью, между прошлым и будущим. И не важно, в каком веке мы живем...

ПРОЛОГ

890 год, поздняя осень

на очнулась посреди холодного осеннего леса — в такой глуши, где даже не верилось, что этому лесу будет конец. Не открывая глаз, она ощутила пронзительный дух палой листвы, холод влажной земли... запах зверя. Она лежала на ковре из мха и листьев, а рядом устроились три волка, плотно прижавшись к ней косматыми боками и укрывая ноги, чтобы не замерзла.

Незвана медленно села, в недоумении оглядываясь и пытаясь понять, где она, на каком свете. Потревоженные ее движением волки подняли головы и вопросительно посмотрели на нее умными желтыми глазами. Распушенные темные волосы, давно не чесанные, со свалявшимися тонкими косичками, покрыли ее всю, но она отвела прохладные, немного влажные пряди от лица и скользнула взглядом по сторонам. Бурые стволы, прозрачные капли осеннего дождя на полуоблетевших ветвях, на зеленой по-летнему хвое молодых елочек, среди которых она делила волчью

лежку с хозяевами, на ее собственной накидке из волчьей шкуры мехом наружу — как и положено волхве.

Она не сразу сумела прийти в себя по-настоящему. Путь Незваны от берегов Забыть-реки был очень долог, и она много раз просыпалась в новом месте, сбрасывала оковы предыдущего сна, чтобы убедиться, что вокруг нее тоже сон. Но теперь она находилась в Яви. И очень хорошо знала, что нужно делать. Идти в Деревлянь. Там живут люди, у которых с ней общие враги и которые дадут ей недостающих для борьбы сил.

Богиня Марена пришла в Коростень в последние дни месяца грудня — когда земля подмерзает, ложится первое, еще тонкое снежное одеяло и земной мир встречает и чувствует хозяйку зимы. Деревляне, как и прочие племена, отмечали Дни Марены, но никто не ждал, что Зимняя Волчица придет к ним въявь. Она приплыла по реке Уже со стороны Тетерева в небольшой долбленке, где только и помещались она сама, кудес, обернутый в мешковину, да короб. Оставив челнок у воды, она шла по каменистой тропе к Святой горе, неся короб и кудес за плечами, и народ сбегался со всех сторон поглядеть на нее, но никто не смел подойти близко. Стояла тишина — люди смотрели, затаив дыхание, и только холодный осенний ветер гудел, приветствуя ее, бросал холодные ледяные крупинки, будто жемчугом одаривал, и те оставались в ее распущенных темных волосах.

Богиня явилась в облике молодой женщины, как и положено в начале зимы, — довольно рослой, крепкой, стройной. На бледном лице выделялись густые черные брови и яркие алые губы, а встречаться с ней глазами никто не решался — если она окидывала толпу равнодушным взглядом, люди в ужасе закрывали лица руками и даже садились на землю. На ней была волчья накидка мехом наружу, на поясе висели костяные и железные фигурки — вместилища духов, ма-

ленькие чурь, и несколько костяных палочек с грубо вырезанными лицами покачивалось на концах ее тонких косичек. На шее виднелось ожерелье из птичьих черепов. На каждом шагу все это позвякивало, погромыхивало, так что звук приближения Марены разносился между избами, будто поступь самой судьбы. Никто не знал, зачем она пришла, никто не решался спросить, но все стояли оглушенные ужасом: страшная гостья несла с собой предвестья неминуемых и неведомых бед.

Деревлянские волхвы и жрецы в этот день собрались на Кременице, еще называемой Святой, — самой высокой и неприступной из коростеньских гор. Гранитные кручи над Ужей издавна были заселены — сперва дулебами, потом деревлянами, их внуками, а в незапамятные времена и вовсе какими-то неведомыми народами, от которых на Кременице остались черепки грубо вылепленных горшков. Святилище находилось здесь всегда, будто самими богами устроенное при создании мира, — окруженное двумя валами, на которых в велики-дни раскладывались очистительные огни, с просторными обчинами, где могли поместиться за длинными столами старейшины племени деревлян. Отсюда открывался широкий вид — на Ужу, серую под серым небом, на остатки желтой листвы на ветвях, на розовато-серые холодные камни, валуны, выступающие из земли и воды на всем берегу, усеявшие ложе реки так густо, что по ней едва могли проходить лодьи.

Сейчас служители богов собрались для того, чтобы чествовать Марену в дни ее прихода. Изображать богиню должна была молодая волхва по имени Лебедина — рыжеволосая, одетая во все белое, с зачерненным сажей лицом. Но даже они не знали, что богиня явится в другом облике.

И когда она появилась в воротах святилища, между двумя резными столбами-чуррами, — в волчьей накидке, с косичками в распущенных волосах — дорожками духов, — вздрогнули

даже волхвы — такой силой от нее веяло. Деревлянские служители богов очень хорошо знали друг друга, и каждый видел, что эта женщина пришла издалека.

— Кто ты и из какого мира? — шагнув вперед, старший из жрецов, Далибож, отец Лебедины, первым задал ей тот вопрос, который пришел в голову всем, — вопрос, который каждый из волхвов задает духам, встреченным в Навьем мире. Это получилось само собой — гостья гораздо больше напоминала порождение Нави, чем создание из мира живых.

Она ответила не сразу, а сначала окинула их оценивающим взглядом — Далибожа, старую бабу Мару, травницу Творяну, кудесника Чадомила, Волота и Держигора, Лебедину в обрядовом наряде — все в лучших уборах, надетых в честь прихода Марены, но слишком растерянные и явно не готовые к тому, что она действительно придет!

На миг повисло молчание — страшный и тревожный для всякого волхва миг. Если дух не хочет отвечать — значит, он враждебен и предстоит схватка, которая может окончиться гибелью любого из соперников.

Но все же гостья ответила.

— Я родилась от женщины, и эта женщина передала мне кровь князей и мудрость волхвов, — сказала она низким невыразительным голосом, и взгляд ее серых, как железо, глаз был мрачен, но спокоен.

— Откуда ты пришла?

— Из-за лесов дремучих, из-за болот зыбучих, из-за рек огненных. Прислала меня Мать Мертвых и Велес, отец мой.

— Как твое имя?

— Незвана, — с гордостью ответила она, и волхвы невольно переглянулись.

Она носила одно из имен самой Марены — той, что всегда приходит незваной. Но в то же время Далибож вспомнил, что уже слышал о женщине с таким именем, считавшейся дочерью Велеса.

— Твоя мать — Безвида? — уточнил он.

— Да, это так.

— А к нам зачем? — спросила старая волхва, которая сама носила имя Мара, — с тех пор, как приняла на себя обязанность провожать умерших к Хозяйке Навей и ушла жить в лес, за грань человеческого мира, не взяв с собой даже прежнего человеческого имени. Весь вид ее выражал уж никак не радость и гостеприимство. Волхвы, чувствительные к колебаниям Лада Всемирья, уже слышали в завывании ветра дурные предвестья.

— Мать Мертвых к деревлянам благосклонна — сожнет врагов их серебряным серпом, обмолотит костяным цепом, в прах перетрет жерновами каменными. Я принесла деревлянам и князьям их благословение Темной Матери, а врагам их — погибель.

— Это какие же враги?

— Князя полянские. Или вы не ведаете, что нынешней осенью киевский князь Аскольд в жены взял деву из ильмерских словен и против вас с ними докончание утвердил? Погубят вас поляне, и никто не спасет, кроме Темной Матери. Я принесла вам силу ее — песнь Мары звучит во мне! Величайте же Черную Мать! — вдруг возвысив голос, требовательно воскликнула она и прижала кулак к груди, и все волхвы сделали то же самое, чувствуя хозяйку Нижнего мира.

И вскоре с вершины Святой горы полетели звуки кудеса, разносясь над рекой, проникая в каждое из жилищ, разбросанных по вершинам и подножиям Коростеньских гор, — низкие, гулкие, незнакомые звуки нового кудеса, никогда еще не певшего здесь. Деревлянские волхвы стали в круг, а в середине плясала и била колотушкой в свой кудес пришелица, вращаясь и выкрикивая хвалы Темной Матери — Маре.

Народ постепенно собирался, одолевая страх, толпился на свободном пространстве внутри вала, не сводя глаз с пляшущей фигуры: одетая в волчью шкуру, в облаке темных

волос, неистово скачущая, бьющая в кудес, по-звериному поющая, она сама была живым воплощением богини смерти. Ее пляска, ее пение, голос ее кудеса стучали в незримые ворота Иного Мира, пробивая проход, через который войдет Кошная Мать, чтобы назначенный срок властвовать над земным миром. Глядеть на нее жутко было всем — и волхвам, и народу, и князю Мстиславу, стоявшему в первых рядах толпы со всей семьей: женой, двумя сыновьями, невесткой и маленьким внуком, которого мать держала на руках. Трехлетний мальчик прятал лицо и плакал от страха. В чертах самого Мстислава, крупного мужчины с широкой полуседой бородой, отражалось колебание. Он тоже испытывал страх перед воплощением Темной Матери, но уже знал, что она обещает ему помощь в самом важном деле его жизни — борьбе с полянскими князьями. Сейчас, когда наступали Марины дни, не принять ее служительницу было никак нельзя, несмотря на всеобщий страх и ожидание бед.

Звучал кудес, кружилась в пляске Марена, пока не упала наземь, словно бездыханная, — но круг волхвов продолжал движение, поддерживая ее вырвавшийся из тела дух, чтобы он мог исполнить назначенное и вернуться. Годовое Коло вращается и временами отдает земной мир под власть Марены — здесь ничего нельзя изменить.

Вслед за Незваной вдруг упала и бабка Мара — упала и замерла. И только потом, когда радения кончились, ее подняли и обнаружили, что она не дышит, — дух так и не вернулся в тело, навек оставшись во владениях Кошной Матери...

ГЛАВА 1

Киев, полянская земля, 894 год, весна

Жнязь Аскольд стоял на уступе крутой тропы, ведущей с вершины Горы к Подолу, и смотрел на приближающиеся лоды. Рослый, в красном плаще, в шапке, отороченной кунницей и покрытой византийским самитом с золотым шитьем, он ждал, сложив руки на груди, но так, чтобы дорогой франкский меч, отцовское наследство, был хорошо виден. Позади него теснилась дружина. В первых рядах выстроились нарочитые мужи — иные из знатных полянских родов, иные с козарской, варяжской либо саварской кровью в жилах. Тем же разнообразием отличались и кмети, расположившиеся еще дальше, — как и его отец, князь Аскольд держал при себе постоянную дружину, хоть и небольшую, но не знающую иной семьи и преданную только ему: кмети считались младшими членами его рода и потому носили звание детских. Здесь были русобородые поляне, иные из которых носили усы и длинный клочок волос на макушке выбритой головы по примеру козар и саваров, сами козары в суконных кафтанах и с саблями у пояса. Варягов не было: старые хирдманы

князя Ди́ра давно покинули земной мир, а их потомки, родившиеся от полянских женщин, обликом и речью почти не отличались от прочих местных уроженцев. Даже язык своих северных предков Аскольд знал гораздо хуже, чем его третья жена, княгиня Дивомила, выросшая на берегу Варяжского моря, — ему было не с кем здесь на нем разговаривать. Варяги, иногда добравшиеся сюда по торговым делам, как правило, говорили по-словенски, из-за чего в более дальних западных землях, у чехов и ляхов, их тоже считали словенами и плохо понимали разницу между собственно словенами и русью.

Сегодня он вышел на берег, получив весть о прибытии деревянского обоза. Через Днепр, а значит, через Киев деревянные сбывали на юг и восток свои товары и поэтому были вынуждены поддерживать с полянами хоть какое-то подобие мира. В прежние годы они не раз пытались захватить выгодное место, и порой им это удавалось. Более тридцати лет назад деревянский князь Володимер Бориполкович захватил Киев и перебил всю дружину князя Святослава с ним самим во главе. Но так случилось, что именно в это время из-за Греческого моря вернулся северный вождь Ульв по прозвищу Зверь, то есть Дир на северном языке¹. Зная, что за время этого похода его сородичи-свеи были изгнаны из Ладogi восставшими словенами, и понимая, что возвращаться ему некуда, он заключил союз с полянами и при их поддержке одолел Володимера деревянского. Старшая дочь Святослава, Елинь, в то время уже была замужем и имела детей, но младшая, Придислава, оставалась в девушках. Ульв Дир взял ее в жены, и вече, которое собрали оставшиеся в живых поляне, признало его своим князем. С тех пор он, опираясь сначала на свою заморскую дружину, а потом на

¹ От древнескандинавского слова «dyr» — «зверь», возможно, прозвища, которое могло быть славянами воспринято как имя.

окрепших полян, вполне успешно оборонял днепровские кручи от посягательств, потому и сумел прокняжить полтора десятилетия и передать власть сыну. Но и деревляне не забыли тогдашнего поражения, и нынешний князь Мстислав Володимирович не терял надежды сделать то, что не удалось его отцу.

Напряженный взгляд Аскольда, скользя по приближающимся лодьям, довольно скоро нашел крепкого молодого парня — не выше среднего роста, но плечистого, из-за чего он даже казался слишком широким, с круглой головой, крупными грубоватыми чертами лица, благодаря чему выглядел старше своих восемнадцати лет. Княжич Борислав Мстиславич был некрасив, но сила и твердость, даже норов, отражавшийся во всем его облике и в выражении лица, заставляли с ним считаться. Цветные греческие шелка и прочую дребедень он презирал, носил простую, зачастую некрашеную потрепанную одежду, мало чем отличавшуюся от рубахи и портов любого отрока, и только на пиры и жертвоприношения будто через силу одевался так, как пристало наследнику княжеского рода. Вот и сейчас князь Аскольд не распознал бы княжича среди прочих гребцов, налегавших на весла, если бы не знал его в лицо. Но уж это лицо он знал очень хорошо! Не было для него на свете человека более ненавистного, чем тот, кто, не скрываясь, собирался сделаться его наследником!

Лодьи подходили к берегу, приставали вдоль длинной полосы, выискивая себе свободное место среди стоявших тут лодей и долбленок, — сейчас, весной, торговля оживилась и киевский Подол ежедневно был заполнен народом, суденышками и разнообразными товарами. В теплую пору года торговые гости раскидывали здесь шатры, ставили шалаши, иные копали землянки, которые зимой оставались необитаемы. Но уже было тут и несколько прочных строений: кузница, гостинные дворы для наиболее богатых купцов, в основном козар. В прошлом году ладожский воевода Велем,

родной брат княгини Дивомилы, выстроил большой дом навроде тех, что стояли в Ладоге, и при нем клеть для товаров. За крышами и навесами уже было не видно самого берега: прежде пустая отмель, Подол в разгар лета становился похож на целое поселение под киевскими горами. На Варяжском море такое торговое поселение, без укреплений, оживленное по большей части летом, называли словом «вик».

Жители и пришлый торговый люд сбежался поглядеть на приезжих, над Подолом висел гул, раздавались выкрики. И выкрики эти были не слишком дружелюбными — от княжьей дружины все знали, что случилось зимой и почему князь снова сердит на деревян. Их здесь не любили даже сильнее, чем на севере варягов. С заморскими пришельцами волховские словены то ссорились, то мирились, но поляне и деревянные, происходя от общего корня и проживая в непосредственной близости, обречены были на борьбу до тех пор, пока одно племя окончательно не одолеет и не поглотит другое.

Позади Аскольда стоял киевский воевода Хорт Катилевич, рослый, крепкий мужчина лет сорока, с рыжевато-русыми, уже подернутыми сединой волосами, с морщинистым лицом, иссеченным степными ветрами. На левой руке у него не хватало трех пальцев. Рода он был незнатного: отец его, Катило, иначе Кетиль Одноглазый, пришел в Киев в русской дружине князя Дира, а мать была никому не ведомой пленницей. С малолетства он рос при дружине и постепенно выдвинулся благодаря решительности, отваге и опыту, так что сейчас числился среди вождей старшей дружины. О происхождении его напоминал только варяжский оберег в виде маленького бронзового молоточка, который он носил на поясе. Человек дельный, расторопный и толковый, он по первому слову князя разослал свою челядь по дворам и теперь, оглядываясь, отмечал, как собираются со всех сторон киевские мужики — кто с топором, кто с копьём и луком. Постоянная княжья дружина была невелика, но ополчение

Киева могло дать еще сотню воев. Также и прибывающие торговые гости были по договору обязаны, в обмен на право торговли, вливаться в княжью дружину, если во время их пребывания в Киеве возникнет такая нужда.

Деревлянская дружина насчитывала человек сорок, не считая гребцов. Князь Аскольд нарочно не подходил к берегу ближе: во-первых, велика честь для младшего Мстиславича, а во-вторых, гораздо удобнее отрезать того от воды, от людей и товаров, а уж потом начинать разговор. О чем будет этот разговор, Аскольд хорошо знал. Какова наглость! После зимних событий он и не ждал, что деревляне посмеют явиться со своими товарами в Киев. Торговый обоз отправлялся в Царьград в конце березня — в начале травеня, чтобы через месяц, к началу кресеня, быть уже на месте. По договору деревляне имели право к нему присоединиться, но в этом году Аскольд не велел их ждать, и обоз, составленный из купцов полянских, саварских и радимичских земель, ушел уже дней десять назад. А эти все-таки явились, хоть и припозднились! Видно, столько награбили, что не вдруг и довезешь! Аскольд кипел от негодования, но на его лице это почти не отражалось, разве что взгляд серых, глубоко посаженных глаз из-под лохматых рыжевато-золотистых бровей стал еще более угрюмым, а руки, крупные, закрубелые, корявые, как у мужика, привыкшего валить деревья и расчищать пал, невольно сжимались в кулаки. Но теперь он за все с ними посчитается. Волчонок сам пришел к нему в руки. То ли от глупости Мстислав послал младшего сына с такой маленькой дружиной, то ли от самодовольства — не ждал, что киевский князь посмеет защитить свои права!

Деревляне тем временем высадились на берег, тянули на песок тяжелые лодьи, нагруженные мешками и бочками, спрыгивали в воду, толкали. Киевляне не помогали им, а только смотрели, не подходя близко. Княжич Борислав тянул и толкал наравне с прочими, потом взял с кормы свернутый

Літературно-художнє видання

ДВОРЕЦЬКА Єлизавета

Чари чаклунки

Роман

(російською мовою)

Головний редактор *С. С. Скляр*
Завідувач редакції *Г. В. Сологуб*
Відповідальний за випуск *Т. М. Куксова*
Редактор *С. М. Губська*
Художній редактор *Н. В. Переходенко*
Технічний редактор *А. Г. Верьовкін*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 16.04.2015. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Minion». Ум. друк. арк. 21,84. Наклад 10 000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у державному видавництві «Преса України»
03047, м. Київ, просп. Перемоги, 50
Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру ДК №310 від 11.01.2001 р.

Литературно-художественное издание

ДВОРЕЦКАЯ Елизавета

Чары колдуньи

Роман

Главный редактор *С. С. Скляр*
Заведующий редакцией *Г. В. Сологуб*
Ответственный за выпуск *Т. Н. Куксова*
Редактор *С. М. Губская*
Художественный редактор *Н. В. Переходенко*
Технический редактор *А. Г. Веревкин*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 16.04.2015. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Minion». Усл. печ. л. 21,84. Тираж 10 000 экз. Зак. №

ООО «Книжный клуб "Клуб семейного досуга»»:
308015, г. Белгород, ул. Пушкина, 49А

Отпечатано в государственном издательстве «Пресса Украины»
03047, г. Киев, пр. Победы, 50
Свидетельство о внесении субъекта издательского дела
в Государственный реестр ДК №310 от 11.01.2001 г.

Издательство Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
www.trade.bookclub.ua

ОПТОВАЯ ТОРГОВЛЯ КНИГАМИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

МОСКВА

Бертельсманн Медиа Москау АО
141008 г. Мытищи, ул. Колпакова, д. 26, корп. 2
Тел./факс +7 (495) 984-35-23
e-mail: office@bmm.ru
www.bmm.ru

ХАРЬКОВ

ДП с иностранными инвестициями
«Книжный Клуб
“Клуб Семейного Досуга”»
61140, г. Харьков-140, пр. Гагарина, 20-А
тел/факс +38 (057) 703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

Киевский филиал

04073, г. Киев, пр. Московский, 6, комн. 35,
тел. +38 (067) 575-27-55
e-mail: kyiv@bookclub.ua

Одесский филиал

65017, г. Одесса, ул. Малиновского, 16-А, комн. 109
тел. +38 (067) 572-44-28
e-mail: odessa@bookclub.ua

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

УКРАИНА

служба работы с клиентами:

тел. +38 (057) 783-88-88
e-mail: support@bookclub.ua
Интернет-магазин: www.bookclub.ua
«Книжный клуб», а/я 84, Харьков, 61001

РОССИЯ

служба работы с клиентами:

тел. +7 (4722) 78-25-25
e-mail: info@ksdbook.ru
Интернет-магазин: www.ksdbook.ru
«Книжный клуб», а/я 4, Белгород, 308961

Давня Русь. Над красунею Вогнедівою збираються хмари — чаклунка Незвана приховала злобу на Дивомилу і замислила погубити красуню та її чоловіка, князя Аскольда. Через темне ворожіння Аскольд зненавидів дружину та віддав Дивомилу в заручниці древлянському князю, своєму одвічному суперникові. Визволити княгиню із полону здатен тільки князь Вольга, її перше кохання...

Дворецкая Е.

Д24 Чары колдуньи : роман / Елизавета Дворецкая ; худож. А. Семякин. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2015. — 416 с. : ил.

ISBN 978-966-14-9110-5 (Украина)

ISBN 978-5-9910-3227-8 (Россия)

Древняя Русь. Над прекрасной Огнедевой сгущаются тучи — колдунья Незвана затаила злобу на Дивомилу и задумала погубить красавицу и ее мужа, князя Аскольда. Из-за темной ворожбы Аскольд возненавидел жену и отдал Дивомилу в заложницы древлянскому князю, своему извечному сопернику. Вызволить княгиню из плена может только князь Вольга, ее первая любовь...

УДК 821.161.1

ББК 84.4РОС